

АННА ПЛАТУНОВА

БАЛЛАДА
ШЕПЛА
ИЛЬДА

ДОЧЬ ПРЕДАТЕЛЯ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ7

Иллюстрация *И. Косулиной*

Платунова, Анна Сергеевна.

ПЗ7 Баллада Пепла и Льда. Дочь предателя / Анна Платунова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-243804-2

Я немного освоилась в академии Тирн-а-Торн. И смирилась с тем, что нас на каждом шагу ждут опасные испытания: ведь нас готовят к схватке не на жизнь, а на смерть.

Я разобралась с теми, кто меня изводил, научилась защищаться. Но самое трудное — разобраться, кто друг, а кто враг. Кто-то хочет моей смерти. И пока не поздно, надо понять почему. Потому ли, что в их глазах я дочь предателя? Или есть и другая причина?

Только мой заклятый враг, мой командир с холодными как лед глазами может меня спасти... или погубить.

Смогу ли я выжить и очистить от клеветы имя моего отца?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Платунова А.С., текст, 2026
© Саша Нефертити, текст, 2026
© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-243804-2

1

*Но если я еще жива,
Наперекор судьбе,
То только как любовь твоя
И память о тебе...¹*

Амфитеатр заполнен до отказа. Все кадеты академии собрались сегодня здесь, чтобы поглазеть на первые зачетные поединки желторотиков. На задних рядах устроились старшекурсники, покровительственно взирая с высоты своего опыта на трясущихся первогодков — на нас.

На первом ряду ожидает начала турнира комиссия. Я рада видеть в ней мейстери Луэ, но с опаской поглядываю на ректора. Вопреки ожиданиям, он все же отложил дела для того, чтобы прийти на зачет к первокурсникам. Думаю, вовсе не наши заурядные таланты оказались тому причиной, а высокий гость, внезапно почтивший Тирн-а-Тор своим присутствием: рядом с ректором Кронтом сидел мужчина в военном мундире без знаков отличия — князь Лэггер.

Наш преподаватель по специализации упоминал о нем, когда рассказывал о даре иллюзий: именно князь Лэггер помогал настраивать и лабиринт, и полосу препятствий. Но что он забыл на неуклюжих по-

¹ Стихи Анны Тимирёвой.

единках первогодков? Мы и так волновались перед трудным зачетом, а тут такая ответственность свалилась — выступать перед его сиятельством.

Мейстер Тутор нервничал, покрикивал на эфоров, призывая их следить за порядком, хотя мы вели себя смиренно, как никогда. Князь Лэггер, не обращая ни малейшего внимания на суматоху, вел светскую беседу с ректором, будто сидел не перед ареной в подвале рядом с тварями, а где-нибудь в ложе Императорского театра.

— Не переживай, — в который раз за сегодняшнее утро сказала я Вееле, уже и сама не понимая, кого уговариваю — ее или себя. — Сегодня сдаем рукопашный бой. Даже побеждать необязательно, главное — продержаться против соперника некоторое время. И жеребьевка внутри группы — красота же. Ты со всеми нашими уже спарринговалась.

Веела механически кивала и поддакивала, а сама не сводила взгляда с князя Лэггера.

— Да брось дергаться, — пробурчал Ронан, хотя и сам нервничал и то и дело отирал со лба капельки пота. — Ну подумаешь, князь. Не он же решение будет принимать, он просто поглазеть пришел. К тому же эфор Эйсхард в последние дни нас так гонял, что мы, по-моему, сдадим зачет с закрытыми глазами и во сне.

— Ага, не приходя в сознание, — поддакнул Барри. — Надеюсь, командир хоть после зачета даст передохнуть, а то совсем озверел.

Последние слова он добавил шепотом и покосился на возвышающегося в конце ряда и наблюдающего за нами эфора Эйсхарда.

Не знаю, на кого сейчас смотрел Ледышка, с некоторых пор я старалась не пересекаться с ним взглядами. Сердце работало с перебоями, а во рту пересыхало от одного вида его губ. Поэтому я даже радовалась, что преподаватели и эфоры, будто сговорившись, гоняли

нас с утра до ночи без передышки. Жизнь превратилась в какую-то дикую карусель: полигон утром, лекции и... тренировки, тренировки, тренировки — то в зале на матах, то в амфитеатре на стиках. Одно хорошо: практикумы по специализации пока отложили.

— Ты с кем выходишь? — спросил у Ронана Меррит, обернувшись с нижнего ряда.

Жеребьевку провели вчера, мне выпало драться с Медеей. В ожидании нашего выхода она теперь то и дело зыркала на меня исподлобья.

— Ты нормальный? — удивился Рон. — С тобой вообще-то!

— Ах да! У меня в голове такой кавардак, нормально спать перестал. Не знаю, за что хвататься: историю зубрить, бестиарий или лишний раз спуститься в зал на тренировку.

— Приготовиться группе эфора Герца! — грянул голос ректора Кронта, усиленный акустикой амфитеатра.

Ректор поднялся со своего места, оглядел притихших кадетов, кивнул мейстеру Тугору, который наскоро отдал последние распоряжения и присоединился к комиссии.

* * *

За рукопашный бой я, признаться, совсем не переживала. Приемы мы отработали не по одному разу, выходили друг против друга во всех возможных комбинациях. С Медеей мы боролись с переменным успехом: то я ее укладывала на обе лопатки, то она меня. Вот завтра ждет трудный день — бои на стиках. И жеребьевка уже не внутри группы. Сегодня выберут сильнейших кадетов, завтра устроят состязание между ними. Новые правила ввели с этого года — подозреваю, чтобы порадовать зрелищем князя Лэггера.

— Мы будто какие-то гребаные рабы, — ворчал Атти на тренировке. — Для развлечения сиятельства. Чего его принесло-то?

— Это не так! — воскликнула Веела. — Князь здесь, чтобы подбодрить нас! Воодушевить!

Атти снисходительно усмехнулся.

— Ох, ну да. Хотя ты же Ансар, чего еще от тебя ждать. Подбодрить. Воодушевить. Ха.

— Кадет Галвин, — одернул его Эйсхард. — Возмущаться ты можешь сколько угодно, но это не отменит необходимости сдавать зачет. Тебе решать, хочешь ли ты выйти на стиках как сильнейший кадет или биться потом среди отстающих.

— Конечно, как сильнейший! — набычился Атти.

— Там и встретимся! — зачем-то встряла я.

Зачем? Кто меня тянул за язык? Со дня нашего запретного, непростительного поцелуя с Эйсхардом прошло три недели, и все это время со мной творилось нечто странное. Я дерзила больше обычного, лезла на рожон, язвила, а Лед, который раньше закидал бы меня штрафными баллами, теперь начисто игнорировал все мои выходки. Время от времени бросал в мою сторону холодные взгляды, но не чаще, чем на Веелу, Медею или того же Брендена.

Чего я добиваюсь? Мне бы радоваться, что Тайлер — нет, я не имею никакого права звать его по имени, — что Эйсхард держит слово, ведет себя как беспристрастный командир, а я злюсь.

Почему-то его равнодушие ранит сильнее ненависти.

«Ты сошла с ума, Алейдис! — одергивала я себя. — Все ведь отлично! Разве ты не этого хотела? Все встало на свои места, никто не задирает. И даже мнимый убийца потерял всяческий интерес...»

Если он вообще существовал в реальности, а не только в воображении шутника, подбрасывающего

мне записки. Эйсхард первые дни не позволял мне ходить по дорогам академии одной и сам всегда оказывался поблизости, стоило выйти куда-то за пределы аудитории, столовой или тренировочного зала. Я так привыкла, что он стоит за моим плечом... Но потом, видимо, и сам Лед счел записки глупым розыгрышем и перестал следить за мной каждую минуту. А я... почувствовала себя какой-то голой без его пристального внимания.

«Ненавижу! Ненавижу, ненавижу, ненавижу!» — мысленно твердила я.

По ночам я снова чувствовала его губы на своих губах, жар дыхания, горьковатый вкус поцелуя... Эйсхард стал первым мужчиной, которого я поцеловала. Первый поцелуй не забывается, а Лед сразу выкинул глупую девчонку из головы.

Гадство! Совру, если скажу, что меня это не задевает.

Лет в двенадцать, когда я превратилась в колючего подростка, я доставала папу своими выходками. Могла оседлать коня и ускакать за пределы гарнизона. Самостоятельно проколола уши и несколько дней носила в горящих воспаленных мочках безвкусные сережки с огромными бусинами. Испортила штору, пытаясь сшить из нее платье. Тогда я не понимала, почему я так злюсь на отца и что со мной вообще происходит. Но папа все понял. Он постарался освободить в своем плотном рабочем графике лишний час, чтобы провести его со мной, поболтать о всякой ерунде, в четыре руки испечь на крошечной чадающей плитке ржаные блинчики. Папа знал, что я просто хочу его заботы и любви.

И вот, пожалуйста, я будто снова стала малышкой, которой недостает внимания. Нет, так дело не пойдет. Я взрослая, умная девушка и возьму себя в руки.

Как назло, именно Медея заметила, что со мной творится неладное.

— Что, орешек, и тебя развезло? — понимающе подмигнула она после очередной моей тупейшей дерзости в сторону Эйсхарда. — Да если бы он и мог с первогодками якшаться, тебя бы точно не выбрал, Дейрон.

— Не знаю, о чем ты думаешь, Медея, а я об учебе! — отрезала я. — И тебе советую!

Ронан, бывший свидетелем разговора, угрюмо смотрел себе под ноги. Он знает. Он видел... Но в Роне я не сомневалась — он нас не сдаст!

— Все, Алейдис, — сказала я своему отражению в зеркале утром перед зачетными поединками. — Спасибо Всеблагому, дело обошлось малой кровью! Тайлер... Эйсхард все делает правильно! Все. Забудь.

...Я не заметила, как поединки в группе эфоров Герца и Хоффмана закончились. Я даже не обратила внимания, кто кого победил.

— Приготовиться группе эфора Эйсхарда! — провозгласил ректор.

2

Мы с Медеей кружили друг напротив друга, как две хищные рыбы. Медея скалила зубы в издевательской улыбке — ее излюбленный метод: сразу показать противнику, что она не боится и уверена в себе. На меня уловки не действовали, Медею за месяцы учебы я изучила как облупленную, все ее хитрости, вот и теперь сохраняла спокойствие, хоть нервы и натянулись как струны.

В начале года я бы с легкостью одолела дочь охотника. Медея выше, крепче, и смелости ей не занимать, но я бы взяла не силой, а техникой, не зря отец столько времени меня тренировал. Теперь же мы сравнялись в мастерстве, но я все так же оставалась слишком хрупкой для рукопашного боя — в отличие от Медеи.

Она как будто еще прибавила в росте и первая из девушек-первогодков отрезала свои шикарные каштановые волосы, оставив короткий ежик. Удивительно, но такая экзотическая стрижка ей шла. Да и вообще, хоть мне и не хотелось это признавать, редко кто из женщин-одаренных носил длинные волосы. Слишком сложно ухаживать за ними в полевых условиях. Однако я пока не решалась обкорнаться, а уж Веела и подавно.

Заполненный амфитеатр притих, только на задних рядах приглушенно переговаривались парни-старшекурсники, может, делали ставки, кто из двух девчонок одержит победу.

На строгих членов комиссии я не смотрела: вдруг по выражению лиц догадаюсь, что они заранее видят в слабой и худенькой девушке проигравшую. Нет уж, я буду бороться до конца!

— Давай, Аля! — прогудел Ронан.

Я поблагодарила его взглядом и слегка улыбнулась, но улыбка тут же слетела с губ, когда я увидела, как напряженно наблюдает за мной Эйсхард.

«Расслабься, Ледышка! На арене перед сотнями глаз ни один убийца до меня не доберется!»

В этот момент Медея напала, атаковала серией ударов по корпусу. Ни один не достиг цели: к счастью, я была не только хрупкой, но и ловкой.

— Зар-раза, — прошипела она сквозь зубы и зарычала, когда я ногой оттолкнула ее от себя.

Мы разлетелись в стороны и сразу ринулись навстречу друг другу. Мой удар — ее блок. Ее удар — мой блок. Кулаки, локти, сжатые щепотью пальцы мелькали все быстрее.

Медее удалось захватить мой корпус в кольцо рук, она пыталась приподнять меня от пола, чтобы швырнуть на доски арены, но я семенила на цыпочках и выкручивалась из хватки.

— Дейрон, не беси меня, — прошипела она мне на ухо. — Сдавайся.

Я едва не расхохоталась.

— Ага, сейчас!

— Задай ей, Медь! — крикнул Вернон: его мерзкий бас я узнала бы и с закрытыми глазами.

— Слушаешься своего господина, Медь? — поддела я ее, специально, чтобы вывести из себя.

От ярости она зашипела, как раскаленная сковорода, но на миг потеряла бдительность, чем я и воспользовалась — подцепила ее ногу своей, стараясь уронить навзничь. Медея не упала, но разжала руки, чтобы сохранить равновесие.

Перед глазами мелькнуло лицо мастера Луэ. Она подалась вперед, в глазах блеснул интерес. Она явно не видела во мне неудачницу. А кого? Может, моего отца, который когда-то вот так же выходил на свой первый зачет?

Медея запыхалась и покраснела, а у меня и дыхание не сбилось.

— Приляг, отдохни, — уколола я ее, пока Медея, взяв короткую передышку, опиралась руками на колени. — Все равно проиграешь.

Раззадорила я ее не на шутку. С перекошенным от злости лицом Медь бросилась ко мне, отмахнулась от удара и несколько раз коротко и сильно ударила меня в покалеченное плечо. Целительская мазь давно избавила меня от каждодневной боли, но тычков застаревшая рана не вынесла, я чуть не взвыла.

Вырвалась, отбежала к бортику, массируя плечо. Рука повисла плетью. Краем глаза увидела, как дернулся ко мне навстречу Эйсхард, как застыл, сузив глаза.

Наблюдательная Медея не могла не заметить, как я по старой памяти берегу плечо, и теперь воспользовалась преимуществом.

— Засчитываем техническое поражение? — спросил ректор Кронт. — Но зачет предлагаю поставить.

— Дадим ей еще шанс, — произнес вальяжный голос.

Этот голос! Я сразу узнала его: невидимый собеседник генерала Остермана в комнате для допросов. Уверенный, облеченный властью. «Дело можно решить в любой момент...» — сказал он тогда.

Но как? Выходит, князь Лэгтер — тот самый человек?

Я глубоко дышала, надеясь, что на моем лице не отразился ужас.

«Чему ты удивляешься, Алейдис? Одаренный кузен императора, конечно, связан с академией. Он здесь не по твою душу, успокойся!»

— Вы готовы продолжать, кадет Дейрон? — обратился ко мне мастер Тугор.

Я несколько раз быстро кивнула. Вот зачем мне это? Могу спокойно уйти с зачетом в кармане. Но мастера Луэ верила в меня, и я хотела доказать ей, что я способна на большее, ради памяти об отце.

Да и Ледышке я бахвалилась, что войду в число сильнейших!

— Готова! — процедила я сквозь зубы.

Медея осклабилась в довольной улыбочке. Поманила меня согнутым пальцем:

— Цып-цып-цып, цыпленочек.

Стоило признать, Эйсхард хорошо ее обучил, превратив из деревенской девчонки в воина. Но у Медеи был только один учитель, а у меня — два! И оба отличные.

Я улыбнулась и, преодолевая боль, помахала ей правой рукой: мол, рано радуешься, я в порядке. И пошла прямо на Медею, открываясь, подставляясь под атаку.

Эйсхард натаскивал нас и натаскивал, каких только приемов ни показал. Но был у него пробел:

Лед — высокий, широкоплечий, крепкий парень — даже в мыслях не мог поставить себя на место невысокой худышки, а мой папа думал в первую очередь о дочери.

«Ты не очень сильная, Ласточка, но ты можешь использовать силу атаки противника против него самого», — говорил он.

Папа научил меня простому, но действенному приему, который сбивал с ног и взрослого мужчину.

Медея бросилась на меня, сжав кулаки. Я отклонилась назад, схватила ее за неплотно застегнутый лацкан форменной куртки, пока Медь замахивалась — а вот надо было застегнуться под горло на все клепки, как это сделала я! — и потянула на себя, используя импульс атаки.

Кажется, Медея сама не поняла, как это мир перевернулся и перед глазами вместо ухмыляющейся меня оказался далекий каменный потолок. Пока она моргала, я несильно придавила коленом ее вздымающуюся грудь.

— Победа кадета Дейрон! — провозгласил ректор.

— Ого! — воскликнул какой-то старшекурсник с последнего ряда. — Опасная штучка Дейрон!

Но как-то не обидно сказал, даже восхищенно, и фразу про «опасную штучку» подхватили тут и там. Крепким орешком я была, железной девочкой тоже. Почему не стать «опасной штучкой»?

Я торжествующе взглянула на Эйсхарда, а он, будто нарочно, увлеченно беседовал с Ярсом и не смотрел в мою сторону. Хоть бы порадовался за ученицу! Ледышка как есть.

Настроение немного испортилось, но совсем чуть-чуть. Свое место на ступенях я заняла с видом победительницы.

— Молодец, Аля! — воскликнула Веела. — Болела за тебя!

— Как-то ты молчаливо болела, — хмыкнула я.

Фиалка снова покосилась в сторону князя Лэггера и виновато улыбнулась. Бойтся она его, что ли?

3

Веела боролась с Барри, Лесли с Бренденом. Всем четверым зачли поединки, но в число лучших кадетов по результатам боев они не вошли.

В конце первого зачетного дня определили тридцать сильнейших: пятнадцать пар, которые завтра утром скрестят стики первыми. И я среди них!

— В качестве поощрения за успешную учебу комиссия, посоветовавшись, решила наградить каждого вышедшего в лидеры кадета пятьюдесятью бонусными баллами! — сказал мейстер Тугор. — Но это еще не все...

Ему пришлось пережить бурю оваций и радостных воплей, раздавшихся после этих слов. Я хлопала и кричала вместе со всеми.

— Им предоставят право биться боевыми стиками...

— С ядом? — ахнула Веела.

Мейстер Тугор словно услышал.

— В полной комплектации, утяжеленными, но лезвия останутся без яда. Я хочу пригласить победителей на арену, они заслужили ваши аплодисменты.

Ронан протянул мне руку, помогая встать. Мы оба начали пробираться к арене, стараясь никому не оттоптать ноги. Из нашей группы в сильнейшие пробивались трое: я, Рон и Атти. Краем глаза я заметила и Вернона, который потрясал вздетыми над головой руками, будто все почести предназначались ему. Миромира, который скромно улыбался и смотрел на одну только Мейви, а она отправляла ему воздушные поцелуи.

Мы выстроились в шеренгу на арене, краснея и переминаясь с ноги на ногу, — все, кроме Вернона, который купался во всеобщем восхищении и отлично себя чувствовал. Я невольно нашла взглядом Эйсхарда — он хоть и смотрел на лидеров турнира, но не на меня, а куда-то поверх моей головы, сделав безразличное лицо. Ледышка...

Помощники из числа второкурсников раскладывали на бортиках стики, когда-то побывавшие в настоящих боях на границах с бесплодными землями. Каждый — уникальный. С оплавленными рукоятями, будто стики выгацили из огня. С рукоятями в кожаных оплетках. Со стертыми от времени узорами. С именами владельцев... Где сейчас все эти люди? Скорее всего, погибли, иначе как бы их оружие оказалось в академии.

Я невольно вспомнила стик отца, сохранивший мне жизнь. Я оставила его в доме генерала Пауэлла, но что, если он как попечитель передал стик в оружейку Тирн-а-Тор? Я, вытянув шею, пыталась разглядеть среди десятков стиков один особенный из вороненой стали. Я узнала бы его мгновенно — стоило увидеть...

Нет, его здесь не было.

— Выбирайте, — пригласил мейстер Тутор. — И оставляйте на бортике до завтрашнего турнира. Вам оказана большая честь! Эти стики побывали в руках настоящих героев.

Мы благоговейно взирали на грозное оружие. Вернон очнулся первым, поспешил к бортику и принялся деловито перебирать стики. Хватал благородное оружие своими загребущими лапами! Я знала, что не смогу притронуться ни к одному стик, уже побывавшему в его руках, и поторопилась к противоположному краю арены.

Мне сразу приглянулся короткий стик с корпусом из меди — редкая вещица — с рукоятью, украшенной летящими птицами. Почему-то мне показалось, что

раньше он принадлежал женщине. В руку он лег как влитой. Не хотелось расставаться с этой красоткой. Мысленно я дала ей имя Ласточка.

— Как думаешь, нам их только на один раз выдали или на практикумы тоже разрешат брать в качестве поощрения? — спросил меня Миромир. Он стоял рядом и взвешивал на ладони серебристый стик с узорами в виде переплетенных ветвей. — Я в него просто влюбился.

— Понимаю! — вздохнула я и продемонстрировала свой. — Знакомься, это Ласточка.

Мы обменялись улыбками. Миромир не принимал участия в травле и всегда вел себя порядочно по отношению ко мне. Друзьями мы пока не стали, но и врагами не были.

— Результаты жеребьевки! — возвысил голос мейстер Тугор, заставив нас замолчать.

«Только не Вернон! Только не Вернон! — мысленно взмолилась я Всеблагому. — Ну пусть хоть сейчас мне повезет!»

Преподаватель называл пары. Я расслабилась лишь когда услышала: «кадет Колояр против кадета Латгарда». Фух, пронесло.

— Кадет Дейрон... — продолжил меж тем мейстер Тугор, а я задержала дыхание. — Против кадета Миромира.

О да! Сегодня удачный день! Мы с моим будущим противником пожали друг другу руки. Этот парень станет биться честно, не сомневаюсь. Если я и проиграю, ему уступить победу не так обидно.

— Главное — сдать зачет, — сказал Миромир. — Биться не на жизнь, а на смерть будем с тварями Изнанки. Согласна?

— Полностью!

Пока преподаватель по специализации зачитывал короткий список, князь Лэггер что-то негромко го-